
ДИСКУССИЯ

УДК 159.9

БИОСОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ¹

© 2020 г. В. А. Мазилов

*Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского;
150000, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108/1, Россия.
E-mail: v.mazilov@yspu.org*

Поступила 03.03.2020

Аннотация. Статья является откликом на публикацию И.А. Мироненко, А.Л. Журавлева “Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека”. Подчеркивается методологическая, теоретическая и практическая актуальность поднятой в статье проблемы, связанная с поиском ответов российской психологии на вызовы глобализации. Делается вывод о том, что для конструктивного решения данной проблемы в настоящее время в российской психологии существуют некоторые препятствия. Главное из них заключается в том, что мейнстрим российской психологии реально продолжает опираться на трактовку психического как процесса, тогда как в новых условиях необходим новый онтологический подход, предполагающий изменение трактовки предмета психологии. Предлагается трактовка предмета психологии как внутреннего мира человека (см. В.Д. Шадриков “Внутренний мир человека”). Утверждается, что центральной категорией в архитектонике предмета является понятие “способность”, предлагаемое уровневое строение которого позволяет конструктивно отнестись к рассмотрению биосоциальной проблемы в психологии. Другим важным моментом является использование причинно-следственного объяснения в психологии: без изменения трактовки предмета психологии использование причинно-следственного объяснения чрезвычайно ограничено, так как неизбежно ведет к редукции психического к непсихическому. Об этом свидетельствует почти полное исчезновение термина “объяснение” в современных психологических исследованиях. В действительности в этих случаях объяснение подменяется “интерпретацией”, под которой подразумеваются виды объяснения, не указывающие на причинно-следственные связи между изучаемыми явлениями. Принятие того, что внутренний мир человека является предметом психологии, возвращает причинно-следственное объяснение в психологию, которое в этом случае становится нередуктивным.

Ключевые слова: психология, глобализация, биосоциальная проблема, биосоциальная проблема в психологии, методология, способности, уровневая структура способностей, предмет психологии.

DOI: 10.31857/S020595920009336-5

Статья И.А. Мироненко и А.Л. Журавлева “Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека” [9] посвящена чрезвычайно значимой проблеме, ее актуальность в современных условиях хорошо аргументирована авторами. Заметим, что данная проблема скорее всего может быть отнесена к разряду “вечных”. Различия между людьми по психологическим характеристикам традиционно объяснялось философами либо врожденными качествами, либо результатами воспитания.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00157).

Можно вспомнить Платона, отмечавшего различие людей по способностям. С самых ранних этапов изучения способностей они трактовались с учетом наследственности, часто определяя при этом и сословную принадлежность. Так, Платон — родоначальник исследований способностей, утверждая, что от рождения по способностям люди не равны, и правители, их помощники, земледельцы и ремесленники наделены соответственно различными “примесями”, писал: “Хотя все члены государства братья (так скажем мы им, продолжая этот миф), но бог, вылепивший вас, в тех из вас, кто способен править, примешал при рождении золота, и поэтому они наиболее ценные, в помощников

их — серебра, железа же и меди — в земледельцев и разных ремесленников” [11, с. 416].

К чести великого философа (и вопреки его недобросовестным интерпретаторам) все в его тексте не так однозначно, как иногда представляют, о чем говорят его высказывания: “Вы все родственны, по большей части рождаете себе подобных, хотя все же бывает, что от золота рождается серебряное потомство, а от серебра — золотое; то же и в остальных случаях. От правителей бог требует прежде всего и преимущественно, чтобы именно здесь они оказались доблестными стражами и ничто так усиленно не оберегали, как свое потомство, наблюдая, что за примесь имеется в душе их детей, и, если ребенок рождается с примесью меди или железа, они никоим образом не должны иметь к нему жалости, но поступать так, как того заслуживают его природные задатки, то есть включать его в число ремесленников или земледельцев; если же рождается кто-нибудь с примесью золота или серебра, это надо ценить и с почетом переводить его в стражи или в помощники” [там же].

С Платоном, однако, был не согласен его выдающийся ученик Аристотель, характеризовавший ум человека как результат опыта: “В возможности ум некоторым образом есть то, что он мыслит, в действительности же нет, пока он не мыслит его. Здесь должно быть так, как на дощечке для письма, на которой в действительности еще ничего не написано; таков же и ум” [1, с. 435]. Можно привести мнение Марка Фабия Квинтилиана, знаменитого римского ритора: “Как только рождается сын, отец должен с того же самого времени возложить на него самые лучшие надежды. Это сделает его более заботливым с самого начала. Ведь мы несправедливо жалуемся, будто бы природа весьма немногим людям дала способность к наукам и будто бы большинство, по своему тупоумию, напрасно тратит труд и время. Напротив, мы найдем не малое число людей восприимчивых и способных к учению. Это заключается в природе человека: как от природы дано птицам летать, коням бегать, диким зверям быть свирепыми, так нам достались в особенный удел разум и понятливость; это заставляет думать, что наша душа небесного происхождения. Тупые и не поддающиеся учению умы появляются столько же против законов природы, как и всякие другие уроды и чудовища в физической природе, но таких бывает очень мало. Доказательством этого служит то, что дети подают иногда блестящие надежды, которые потом, с годами, исчезают; следовательно, не природа виновата, а недостаток воспитания служит тому причиной. Я согласен, что один имеет более ума, чем другой; это доказывает

только, что один может сделать больше другого, однако не найдешь никого, кто бы не достиг чего-нибудь приложением...” [12, с. 97].

Можно уверенно констатировать, что на протяжении многих веков происходило не столько последовательное продвижение, сколько периодическое смешение акцента от одного полюса к другому (способности как наследственное или приобретенное, как биологическое или социальное и т.д.). Другой выдающийся философ англичанин Томас Гоббс мудро заметил: “Если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, они бы опровергались”, поэтому совсем не удивительно, что вокруг проблемы способностей во все века кипели страсти.

Вероятно, не нужно больше пояснять, что прогресс в понимании обусловленности способностей происходит не так быстро, как в других областях психологии. Отметим, что одна из причин недостаточного прогресса в разработке данной предметной области, как можно полагать, состоит в том, что, не абстрагируясь от идеологии, классовых, расовых, сословных и прочих аспектов проблемы, осложняющих научно-психологический анализ, трудно надеяться на получение впечатляющих научных результатов.

Обратимся к статье И.А. Мироненко и А.Л. Журавлева. Как справедливо отмечают авторы, “в первое столетие существования академической психологии, с момента становления психологии как самостоятельной науки до последних десятилетий XX в., биосоциальная проблема рассматривалась как проблема соотношения в формировании человеческой индивидуальности врожденного и приобретаемого в процессе воспитания, *Nature&Nurture*. В контексте социальных конфликтов первых десятилетий этого периода и последующего противостояния в мире двух политических систем вопрос о соотношении *Nature&Nurture* стал одним из самых идеологически заряженных” [9, с. 87–88].

Необходимо согласиться и с авторской констатацией, что “эпоха глобализации высвечивает новые актуальные аспекты биосоциальной проблемы. В мире, где происходит динамическое взаимодействие культур, на фоне возрастающей очевидности масштаба и глубины их качественных различий биосоциальная проблема предстает как проблема соотношения общего природного (универсального для вида *HomoSapiens*) и культурно-специфического в человеке” [9, с. 88]. Авторы цитированной статьи ставят вопрос и сами на него отвечают: «Утратила ли биосоциальная проблема свою актуальность в изучении жизни современного общества? Представляется, что, напротив, актуальна как

никогда раньше. И вопрос не только в необходимости деколонизации нашей науки, что является основным лозунгом релятивистов. Мы живем в эпоху не только радикальных социальных изменений, требующих осознания культурной относительности "эталонов" человека, но и радикальных прорывов в области биологии и медицины. "Замазывая" границу между биологическим и социальным, мы закрываем глаза на то, что человек сегодня уже отменил для себя закон естественного отбора, в результате чего биологическое выживание человека как вида сегодня зависит от его сознательной деятельности" [9, с. 93].

И.А. Мироненко и А.Л. Журавлев делают вывод: "Биосоциальная проблема сохраняет высокую актуальность для психологической науки в эпоху глобализации. Если на протяжении первого века существования академической психологии концепции непосредственно соотносились с социальной мобильностью в отдельно взятом обществе, то в эпоху глобализации полем соотнесения концепций с жизнью становится взаимодействие культур в глобальном мире. В отношении этой проблемы сохраняется противостояние двух подходов:

— размыдающего границы биологии и культуры, где культура полагается некой надстройкой, лишь придающей специфику проявлениям биологического основания;

— рассматривающего культуру как отмену биологической детерминации поведения" [9, с. 94].

Как можно было видеть, в статье поднимаются и обсуждаются важные вопросы. Необходимо согласиться с констатацией авторов: "Психология как наука о человеческой душе самим своим предметом поставлена перед вызовом биосоциальной проблемы, и любая психологическая концепция предполагает здесь определенную точку зрения, открыто формулируемую или имплицитно присутствующую" [9, с. 87].

Как нам представляется, важно придать обсуждению этой важнейшей проблемы методологическое звучание, ибо за обсуждением сопряженных с биосоциальной проблемой вопросов уходит на второй план главное: каковы механизмы взаимодействия биологии и культуры в *психологии*.

Отметим, что эта проблема широко обсуждалась в отечественной психологии на разных этапах ее развития. Она обсуждалась в работах В.А. Вагнера, механизмы взаимодействия биологического (натуралистического) и культурного анализировались в известной теории развития высших психологических функций Л.С. Выготского.

Важнейшим этапом в разработке данной проблемы явилось формулирование С.Л. Рубинштейном в 1934 г. принципа единства сознания и деятельности. Как известно, С.Л. Рубинштейн опирался на ранние работы Маркса, в которых было показано, что *природа человека является продуктом истории*.

Это положение стало ключевым для трактовки биосоциальной проблемы в отечественной философии и психологии.

Обратим внимание, что между рассмотрением биосоциальной проблемы в развитии человека и психологии существенного различия не проводилось. Приведем цитату из статьи П.Н. Федосеева, открывавшую известную коллективную монографию "Биологическое и социальное в развитии человека" [2]. "Новейшие успехи биологии, в частности генетики, создают условия для исследования многообразных конкретных форм взаимодействия биологического и социального в процессе развития человечества, индивида, личности (курсив мой. — В.М.) в ходе развития общества" [13, с. 5].

К сожалению, в рамках настоящей статьи в силу ограниченности ее объема нет возможности проанализировать философский базис, на котором основывалось решение биосоциальной проблемы в марксистско-ленинской философии, явившейся методологической основой всей советской науки. Поэтому акцентируем только самые существенные моменты. "Проблема биологического и социального упирается в общефилософскую трактовку единства мира и качественного своеобразия различных уровней, проявлений, сфер этого в целом единого материального мира. Различные уровни, сферы бытия подчиняются *всебиющим* закономерностям, выражаяющим единство мира, и вместе с тем на каждом таком качественно своеобразном уровне бытия действуют *специфические* закономерности. Таким образом, между разными сферами, уровнями бытия есть сходство, преемственность, связь и вместе с тем есть качественное своеобразие, различие" [13, с. 17–18].

Применительно к психологии "...можно сказать, что физиологические, вообще биологические закономерности абсолютно необходимо знать и учитывать для познания психических процессов. И вместе с тем психика, сознание, мышление — это качественно новые явления, детерминируемые более сложными, специфическими закономерностями, никак не сводимыми к физиологическим" [там же, с. 18].

"Биологическое и социальное при всей их взаимозависимости являются во многом разными

сферами бытия. В каждой из этих сфер действуют специфические закономерности. Отрицание качественно своеобразных явлений, уровней, сфер бытия столь же несостоительно, сколь и опасно, как и непонимание единства мира, взаимосвязей всех явлений, преемственности и взаимопереходов разных форм движения материи. Вне такой преемственности развитие мира в его единстве вообще невозможно” [там же].

«Применительно к проблеме соотношения биологического и социального это означает, что необходимо в самой действительности найти тот реальный, конкретный способ взаимодействия биологического и социального, при котором то и другое, во-первых, не отождествлялись бы друг с другом, а во-вторых, не отрывались бы друг от друга. Иначе говоря, надо раскрыть *специфичность* каждой из этих сфер бытия и вместе с тем *преемственность*, взаимосвязь, взаимопереход между ними. Это необходимо сделать всех аспектов многообразной комплексной проблемы “биологическое — социальное”. Прежде всего имеется тот случай, когда сочетание биологического и социального выступает в том или ином соотношении в некоторых фактах человеческого поведения» [там же, с. 19].

“Перед наукой стоит сложнейшая задача — раскрыть тот конкретный и всеобщий способ, или *механизм*, взаимодействия биологического и социального, который обеспечивает 1) специфичность, нетождественность и вместе с тем 2) преемственность. Взаимосвязь обеих этих сфер бытия в развитии и поведении человека” [там же, с. 20].

Приношу извинения за обильное цитирование, но приведенные фрагменты очень ясно показывают, почему “сложнейшая задача” не была решена. Как можно видеть в вышеприведенных фрагментах, речь идет именно о взаимодействии биологического и социального. Психическое при этом парадоксальным образом не учитывается, хотя речь идет о биологической и социальной обусловленности психики, сознания, мышления. В статье философа П.Н. Федосеева очень верно говорится о специфичности сфер бытия, но психическое в число этих сфер не попадает.

К обсуждению причины мы вернемся ниже, а пока обратимся к другой главе из этой монографии, в которой дается анализ проблемы соотношения биологического и социального в психологии. Б.Ф. Ломов пишет: “Накоплено немало данных, показывающих, что развитие человеческого организма опосредствуется социальными условиями его существования. Вместе с тем формирование тех качеств человека, которые определяются как социальные, протекает не вне человеческого организма

и не помимо процесса биологического развития, а в ходе этого процесса. На пути изучения взаимного опосредствования биологического и социального преодолевается дуалистический подход к изучению человека, складывается понимание процесса его развития как *единого* процесса, в ходе которого формируется и развивается все многообразие его свойств” [5, с. 36].

Нельзя не согласиться с высказыванием классика отечественной психологии: “Проблема соотношения биологического и социального является одной из *кардинальных* проблем психологической науки, она пронизывает, по существу, все сферы последней. Без ее фундаментальной разработки вряд ли возможно построение целостной логически связанный теории психологии” [5, с. 36].

Действительно, в решении проблемы видится залог дальнейшего развития психологии.

Однако вернемся к обсуждению приведенных выше фрагментов из философско-методологической работы П.Н. Федосеева. Как нам представляется, подобный подход не только не способствует решению биосоциальной проблемы в психологии, но фактически закрывает дорогу к ее постановке. Если внимательно перечесть приведенные фрагменты, можно обратить внимание на два момента.

Первый. В процитированных рассуждениях не делается четкого различия между биосоциальной проблемой применительно к *человеку в целом* и его *психике*. Между тем, если онтология человека вполне понятна (что, конечно, не исключает различных точек зрения на нее), то про онтологию психического не говорится ничего. Таким образом, биосоциальная проблема при таком понимании трансформируется во взаимодействие двух факторов — биологического и социального — что, как хорошо известно из истории психологии, заводит решение проблемы в тупик. Понятно, что это происходит по той причине, что психическому в марксистско-ленинской философии отказано в самостоятельном существовании: “сферой бытия” или “уровнем”, согласно идеологам, психическое не является.

Как ни удивительно, про философию марксизма в отечественной психологии вспоминают сегодня нечасто, а имплицитно старые идеи сохраняются в сознании многих психологов.

Как нам представляется, глубинная причина такой трактовки в том, что психическое рассматривается исключительно как процесс, возникающий при взаимодействии материальных систем. Такой подход правомерен, он позволяет решить многие вопросы, но, очевидно, для решения таких кардинальных

проблем, как биосоциальная в современной *психологии*, явно недостаточен. Необходимо трактовать психическое как реально существующее, имеющее онтологический статус, что, подчеркнем, соответствует роли психологии как фундаментальной науки.

Второй. Как справедливо указывает Б.Ф. Ломов, проблема соотношения биологического и социального “пронизывает, по существу, все сферы” психологической науки. Поэтому, пытаясь решить проблему, надо рассматривать всю психологическую науку, т.е. иметь в виду *психику как целостность*. В этом случае мы сможем приблизиться к пониманию детерминации, которая, согласно мысли С.Л. Рубинштейна, предполагает действие внешних причин через внутренние условия. Можно полагать, что это единственная возможность, когда решение биосоциальной проблемы не будет означать безусловной редукции психического к биологическим или социальным причинам.

Как представляется, продуктивным может быть подход, при котором соблюдаются следующие условия.

1. Необходимо четко разграничивать проблему биосоциальной обусловленности человека в целом, а также его развития и *психического*, а также его развития.

2. Рассматривая проблему соотношения биологического и социального в психологии, не стоит избегать включения ее решения в контекст *методологии психологии*.

3. Предмет психологии необходимо трактовать как *целостность*, причем реально существующую, не допуская его сведения к единицам или клеточкам.

4. Важнейшая функция психологической науки — объяснение — должна пониматься в первую очередь как *внутрипсихологическая* (интрапсихологическая), что, естественно, не отменяет необходимости решения вопроса о детерминации.

Остановимся подробнее на этих моментах.

В современной психологической литературе неоднократно отмечалось, что целесообразно рассматривать внутренний мир человека как предмет психологии [6; 15; 16]. Была приведена соответствующая аргументация, показано, что понятие “внутренний мир” выполняет те функции, который должен выполнять предмет в структуре психологического знания и в структуре психологического исследования [8].

Обратимся к традиционному пониманию предмета. Под предметом психологии в современной

науке обычно понимают психику, реже сознание. Поскольку психика — это абстракция высокого порядка, к изучению которой подступиться довольно сложно, обычно используется следующий методологический прием. Вместо предмета как целого предлагается изучать его “единицу”, “клеточку”.

Традиция эта создана Л.С. Выготским, который позаимствовал этот подход у К. Маркса.

Результатом переноса Л.С. Выготским этого методологического приема на проблематику психологии явилась концепция “анализа по единицам” (в противоположность анализу по элементам). Л.С. Выготский, как известно, писал: “Под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и которые являются далее неразложимыми живыми частями этого единства... Психологии, желающей изучить сложные единства, необходимо понять это. Она должна заменить методы разложения на элементы методом анализа, расчленяющего на единицы. Она должна найти эти неразложимые, сохраняющие свойства, присущие данному целому как единству, единицы, в которых в противоположном виде представлены эти свойства, и с помощью такого анализа пытаться решить встающие перед ним вопросы” [3, с. 9]. Рамки данной статьи не позволяют входить в детали этой проблемы. Как писал об этом отечественный методолог психологии В.П. Зинченко, “проблема конструирования единиц анализа, адекватных той или иной предметной области исследования или данному конкретному предмету той или иной науки, решается как на уровне философской методологии, так и на уровне методологии конкретно-научной” [4, с. 81].

Обратим внимание на один момент: если с конструированием единиц анализа, “адекватных области исследования”, все совершенно ясно — это перспективный подход к исследованию, то относительно применимости этого тезиса к “предмету науки” есть много сомнений. Не имея возможности обсуждать здесь этот вопрос сколько-нибудь подробно, обратим внимание, что на нынешнем уровне развития психологической науки адекватные целостному предмету единицы вряд ли могут быть сконструированы. Дело в том, что по большому счету мы пока не постигли сущности психического. Как прекрасно по этому поводу выразился Карл Юнг, “мы еще очень далеки от того, чтобы даже приблизительно понять его сущность” [20, с. 418]. Раз мы не понимаем в точности сущности целого, вряд ли мы сможем сконструировать единицы, отражающие эту не вполне понятную нам сегодня сущность.

Во всяком случае длинный список единиц психического, использование которых в психологии себя не оправдало, приведенный в цитированной работе В.П. Зинченко, убеждает, что это не тот путь, который ведет к успеху. Поэтому нам представляется, что более надежной исследовательской стратегией является работа с целостным, совокупным предметом.

Почему замена целостного предмета его единицей оказывается роковой для объяснения в психологии, понять легко. В теории объяснения Ж. Пиаже все виды причинного объяснения приводят к редукции: причинное объяснение неизбежно сводит психическое к биологии либо к социологии [21]. В теории объяснения А.В. Юревича отстает тезис о том, что редукция неизбежна [17; 18]. Более того, А.В. Юревич пытается обосновать тезис о том, что редукция для психологии не зло, как полагает большинство исследователей, а благо и представляет собой путь решения психологических проблем [18].

Наша позиция состоит в том, что редукция психического к непсихическому в психологическом исследовании неизбежно приводит в тупик, поскольку ведет к утрате собственно *качества* психического.

В этом и состоит причина того, что мы наблюдаем в российской психологии повсеместно. Исследователи избегают использовать термин “объяснение”, поскольку прибегать к редукции им по понятным причинам не хочется. Вместо этого говорят об *интерпретации*, очень часто понимая под интерпретацией другие виды (не причинно-следственное) объяснения.

Причинно-следственное объяснение должно вернуться в психологию, но само оно должно быть перенесено *внутрь предмета психологии*. Конечно, речь не идет о возрождении вундтовской “психической причинности”. Психическая причинность, по Вундту, никак не предполагает совокупного предмета, поэтому остается фикцией.

Как уже отмечалось в предыдущих работах, если понимать предмет психологии как целостность, как совокупный предмет, то такое возвращение представляется и правомерным, и перспективным [7; 8]. При этом “простота” причинного объяснения [10] (если она не будет сочетаться с редукцией) превращается в существенное преимущество.

Вернемся к совокупному предмету. Как отмечалось в наших предшествующих работах, внутренний мир как предмет психологической науки включает в себя различные образования, которые тем не менее представляют собой целостность,

имеющую свою архитектонику. Ядром, объединяющим все составляющие внутреннего мира в единое целое, выступают способности [16].

Категория способностей была переосмыслена В.Д. Шадриковым [14; 15]. Автор предлагает выделить три измерения способностей, в которых они реализуются и через которые они проявляются в деятельности человека, — природные (способности индивида), субъектно-деятельностные (способности субъекта деятельности), личностные (способности личности). Под *природными способностями* понимаются “свойства физиологических функциональных систем, реализующих отдельные познавательные и психомоторные функции. В данном определении способности рассматриваются как общие (всеобщие) качества. Здесь реализуется связь психики и ее субстрата, определяемая положением о единстве строения и функции” [14, с. 102].

Природные способности на уровне их представленности в психической деятельности реализуются в виде психических функций (восприятие, внимание, память и т.д.), каждая из которых имеет индивидуальную меру выраженности у человека. Если на уровне всеобщей представленности психических функций у человека можно говорить о способностях индивида, то в ходе реализации им той или иной деятельности следует говорить о *способностях субъекта деятельности*. Последние отражают операционные механизмы психических функций и также имеют индивидуальную меру выраженности. Формирование способностей субъекта деятельности происходит за счет достраивания природных способностей интеллектуальными операциями, классифицируемыми В.Д. Шадриковым по видам: предметно-практические операции (сравнение, анализ, синтез и др.); операции восприятия и памяти (группировка, классификация, систематизация и др.); операции мышления (сравнение, раскрытие отношений, обобщение и др.); метаинтеллектуальные операции (формирование гипотезы, целеполагание, принятие решения, планирование и др.).

Третий вид способностей — *способности личности* — достаточно многообразен, но в нем выделяются два ведущих личностных образования, определяющих успешность реализации способностей индивида и субъекта деятельности, — мотивация и духовные способности. Их место в структуре способностей определяется следующим образом: “С учетом того, что мотивация направляет поведение человека, а поведение реализуется через его способности, а также принимая во внимание структуру психологических функций, мы

можем утверждать, что мотивация будет тесно связана со способностями, с одной стороны, определяя их развитие, с другой — проявляясь в функциональных состояниях (духовных способностях)” [14, с. 120].

Не будем далее говорить о перспективах данного подхода. Ясно, что в интеллекте скорость протекания умственных процессов в значительной мере определяется биологией, а, скажем, интеллектуальные операции — культурой. Обратим внимание, что при сформулированном выше подходе и одно и другое рассматриваются как составляющие внутреннего мира, что позволяет развернуть *психологическое* исследование, не сводящее интеллект к феномену, имеющему биологическую либо социальную детерминацию. Лишь обратим внимание, что понятие способности, разработка которого первоначально принадлежит Аристотелю, занимает вполне определенное и, что важно, ведущее место среди других психологических понятий. И подчеркнем, что в структуре способностей находится место для духовных способностей.

Как ясно из вышеизложенного, в структуре внутреннего мира человека наличествуют психологические образования, имеющие различное происхождение и разную природу. В связи с новой трактовкой предмета психологии как совокупного перед психологией открываются новые перспективы в плане использования причинно-следственного объяснения. Обратим внимание, что к этим образованиям вполне правомерно применять причинно-следственное объяснение. Специально подчеркнем, что использование причинно-следственного объяснения, естественно, не отменяет широкого применения других видов объяснения (например, из известной классификации видов объяснения Брауна) [19].

Как представляется, сформулированный подход позволяет конструктивно подойти к решению биосоциальной проблемы в психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 550 с.
2. Биологическое и социальное в развитии человека. М.: Наука, 1977. 227 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 326 с.
4. Зинченко В.П., Смирнов С.Д. Методологические вопросы психологии. М.: МГУ, 1983. 165 с.
5. Ломов Б.Ф. Проблема биологического и социального в психологии // Биологическое и социальное в развитии человека. М.: Наука, 1977. С. 34–64.
6. Мазилов В.А. De anima: Предмет психологии и границы его постижения // Высшее образование сегодня. 2019. № 6. С. 60–70.
7. Мазилов В.А. Предмет психологии. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. 186 с.
8. Мазилов В.А. Психология в эпоху глобализации: поиски собственного пути // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 6. С. 149–153.
9. Мироненко И.А., Журавлев А.Л. Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 87–98.
10. Никитин Е.П. Объяснение — функция науки. М.: Наука, 1970. 280 с.
11. Платон. Государство // Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79–420.
12. Хрестоматия по истории педагогики: В 3 т. Т. 1: Античность. Средневековье / Под общ. ред. А.И. Пискунова. М.: ТЦ Сфера, 2006. 512 с.
13. Федосеев П.Н. Проблема социального и биологического в философии и социологии // Биологическое и социальное в развитии человека. М.: Наука, 1977. С. 5–33.
14. Шадриков В.Д. Способности и одаренность человека. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. 274 с.
15. Шадриков В.Д. Внутренний мир человека. М., 2006. 386 с.
16. Шадриков В.Д., Мазилов В.А. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата / Под ред. В.Д. Шадрикова, В.А. Мазилова. М.: Юрайт, 2015. 411 с.
17. Юревич А.В. Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 97–106.
18. Юревич А.В. Объяснение в психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 74–87.
19. Brown R. Explanation in social science. Chicago: Aldine Pub. Co, 1963. 198 p.
20. Jung K.G. Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung fur die Psychologie // Ges. Werke. 1967. Bd. 8. S. 418–423.
21. Piaget J. L’explication en psychologie et le parallelism psychophysiologique // Traité de psychologie expérimentale. VI. I. Histoire et méthode / P. Fraisse, J. Piaget et M. Reuchlin. Paris: Presses univ. de France, 1963. P. 121–152.

BIOSOCIAL PROBLEM IN THE CONTEXT OF METHODOLOGY OF PSYCHOLOGICAL SCIENCE²

V. A. Mazilov

*ScD (Psychology), Professor, Head of General and Social Psychology Chair,
YAGPU named after K.D. Ushinsky;
150000, Yaroslavl, Republican str., 108/1.
E-mail: v.mazilov@yspu.org*

Received 03.03.2020

Abstract. The article is a response to publication of I.A. Mironenko and A.L. Zhuravlev “Biosocial problem in the context of global psychological science: about universal characteristics of a person”. The article emphasizes methodological, theoretical and practical relevance of the problem raised in the article related to the search for answers to the challenges of globalization in Russian psychology. It is concluded that there are some obstacles to a constructive solution of the problem in Russian psychology at the present. The main one is that the mainstream of Russian psychology continues to rely on interpretation of mental as a process, while under new conditions a new ontological approach implying a change in interpretation of the subject of psychology is required. The author offers to understand the subject of psychology as person’s inner world (see V.D. Shadrikov “The Inner world of a person”). It is argued that the concept of “ability” is the central category in subject’s architectonics: the level structure of the latter allows a constructive approach to the consideration of biosocial problem in psychology. Another important point is the use of causal explanation in psychology: without changing in understanding of subject in psychology, the use of causal explanations is extremely limited, as it inevitably leads to a reduction of the mental to non-mental. This is evidenced by the almost complete disappearance of the term “explanation” in modern psychological research, which is widely used in Russian psychology. In fact, in these cases, the “explanation” is replaced by “interpretation” which refers to explanation that does not indicate a causal relationship between phenomena under study. Accepting person’s inner world as the subject of psychology returns a cause-and-effect explanation to psychology, which in this case becomes non-reductive.

Keywords: psychology, globalization, biosocial problem, biosocial problem in psychology, methodology, abilities, level structure of abilities, subject of psychology.

REFERENCES

1. *Aristotel’*. Sochinenija: V 4 t. V. 1. Moscow: Mysl’, 1975. 550 p. (in Russian)
2. Biologicheskoe i social’noe v razvitiu cheloveka. Moscow: Nauka, 1977. 227 p. (in Russian)
3. *Vygotskij L.S. Myshlenie i rech’*. Moscow, L.: Gosudarstvennoe Sotsial’no-ekonomicheskoe izdatel’stvo, 1934. 326 p. (in Russian)
4. *Zinchenko V.P., Smirnov S.D. Metodologicheskie voprosy psichologii*. Moscow: MGU, 1983. 165 p. (in Russian)
5. *Lomov B.F. Problema biologicheskogo i social’nogo v psichologii. Biologicheskoe i social’noe v razvitiu cheloveka*. Moscow: Nauka, 1977. P. 34–64. (in Russian)
6. *Mazilov V.A. De anima: Predmet psichologii i granicy ego postizhenija. Vysshee obrazovanie segodnjja*. 2019. № 6. P. 60–70. (in Russian)
7. *Mazilov V.A. Predmet psichologii. Jaroslavl’*: RIO JaGPU, 2020. 186 p. (in Russian)
8. *Mazilov V.A. Psichologija v jepohu globalizacii: poiski sobstvennogo puti*. Psikhologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 6. P. 149–153. (in Russian)
9. *Mironenko I.A., Zhuravlev A.L. Biosocial’naja problema v kontekste global’noj psichologicheskoy nauki: ob universal’nyh harakteristikah cheloveka*. Psichologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 6. P. 87–98. (in Russian)
10. *Nikitin E.P. Ob’jasnenie — funkcija nauki*. Moscow: Nauka, 1970. 280 p. (in Russian)
11. *Platon. Gosudarstvo. Sobranie sochineniy*: V 4 t. V. 3. Moscow: Mysl’, 1994. P. 79–420. (in Russian)
12. *Hrestomatija po istorii pedagogiki*: V 3 t. V. 1. *Antichnost’*. Srednevekov’ye. Ed. A.I. Piskunov. Moscow: TC Sfera, 2006. 512 p. (in Russian)
13. *Fedoseev P.N. Problema social’nogo i biologicheskogo v filosofii i sociologii. Biologicheskoe i social’noe v razvitiu cheloveka*. Moscow: Nauka, 1977. P. 5–33. (in Russian)

² This research was conducted with financial support by Russian Science Foundation (project № 18-18-00157).

14. *Shadrikov V.D. Sposobnosti i odarennost' cheloveka.* Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2019. 274 p. (in Russian)
15. *Shadrikov V.D. Vnutrennij mir cheloveka.* Moscow, 2006. 386 p. (in Russian)
16. *Shadrikov V.D., Mazilov V.A. Obshhaja psihologija. Uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata.* Eds. V.D. Shadrikov, V.A. Mazilov. Moscow: Jurajt, 2015. 411 p. (in Russian)
17. *Jurevich A.V. Ob''jasnenie v psihologii. Psikhologicheskii zhurnal.* 2006. № 1. P. 97–106. (in Russian)
18. *Jurevich A.V. Ob''jasnenie v psihologii. Metodologija i istorija psihologii.* 2008. V. 3. Vyp. 1. P. 74–87. (in Russian)
19. *Brown R. Explanation in social science.* Chicago: Aldine Pub. Co, 1963. 198 p.
20. *Jung K.G. Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung fur die Psychologie.* Ges. Werke. Bd. 8. 1967. S. 418–423.
21. *Piaget J. L'explication en psychologie et le parallelism psychophysiologique.* Traité de psychologie expérimentale. V.I. Histoire etméthode. P. Fraisse, J. Piaget et M. Reuchlin. Paris: Presses univ. de France, 1963. P. 121–152.